

В серию «Фанаты» входят:

Фанаты. Счастья хватит на всех

Фанаты. Счастье на бис

Фанаты. Сберегая счастье

Фанаты. Счастье из прошлого

Фанаты. Другой ракурс счастья

Юлия Волкодав

ФАНАТЫ. СЧАСТЬЕ НА БИС

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В67

Волкодав Ю.

В67 Фанаты. Счастье на бис / Ю. Волкодав. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 536 с. — (Фанаты).

ISBN 978-5-517-12481-4

Маленький приморский город, где двоим так легко затеряться в толпе отдыхающих. Он — бывший артист, чья карьера подошла к концу. Она — его поклонница. Тоже бывшая. Между ними почти сорок лет, целая жизнь, его звания, песни и болезни.

История, которая уже должна была закончиться, только начинается: им обоим нужно так много понять друг о друге и о себе.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Юлия Волкодав, текст, 2024
© Дарья Иванова Walted, оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
ISBN 978-5-517-12481-4 © Т8 Издательские технологии, 2024

ПРОЛОГ

В доме тихо. Только здесь, почти в лесу, начинаешь понимать, что такое настоящая тишина. В городе, даже если ты в квартире один, а окна плотно закрыты, доносятся посторонние звуки: у кого-то сработает в машине сигнализация, кто-то из соседей спустит воду в ванной комнате, у других соседей ребёнок вздумает попрыгать через скакалку, пусть и в половине двенадцатого ночи. Собственный дом, окружённый высокими соснами и буками, к тому же стоящий особняком, позволяет узнать истинную тишину и научит ею наслаждаться.

Сашка сидит на крыльце, прижавшись затылком к ещё тёплому, нагретому за день солнечными лучами дереву дверного косяка. В руке тлеет сигарета, дожидаясь следующей, редкой, но сильной затяжки. Её единственная за день сигарета. Уступка старой жизни, которая закончилась в тот день, когда он перешагнул порог её дома. Очень неуверенно перешагнул, на ногах он тогда держался не слишком хорошо. Сейчас лучше. Или тоже уступка, теперь со стороны костлявой. Тогда Сашка его вырвала, выцарапала. Не столько знанием, уж знаний у столичных эскулапов было поболее. Скорее характером. Упёртостью своей. Сжала зубы, прорычала «не отдам». И не отдала. На сколько раундов ещё её хватит?

Сашка прислушивается, не доносится ли из дома знакомый голос. Самый знакомый на свете. Всеволод Алексеевич утверждает, что с возрастом голос становится ниже. Как-то взялся на примерах ей доказывать, разбирать, в какой тесситуре пел в молодости, в какой под конец.

— Разница в половину октавы! — Он размашисто подчеркивал что-то в нотах, в которых Сашка всё равно ничего не понимала. — Видишь?

— Вижу, — кивала она.

Но не слышу. Молодой Туманов её вообще мало волновал. Для неё голос оставался тот же самый. Пусть поёт в любой тесситуре. Пусть ворчит на телевизор и изгаляющихся в нём политиков. Пусть доказывает, что ему хочется. Только бы не хрипел, сдавленный астматическим кашлем.

Двери, выходя на крыльцо, Сашка не закрыла. Ни в его комнату, ни во двор. Чтобы услышать, если понадобится. Она тщательно следит, чтобы телефон всегда был при нём, включённый, заряженный, с ярким экраном и быстрым набором её номера. Но он всё равно чаще зовёт, чем звонит. Ему так привычнее. А она привыкла слышать его из любой комнаты. Но двери всё равно старается не закрывать, если позволяет погода. Сегодня позволяет. Первый по-настоящему весенний день, хотя на календаре середина апреля. Если тепло продержится хотя бы неделю, зазеленеют деревья, покажется первая трава. И Всеволод Алексеевич, бродя по их огромному участку, будет восторженно звать её тем самым голосом:

— Саша, иди сюда. Посмотри, яблонька зацвела!

И ей придётся, бросив на плите кастрюлю, спешить на его зов, любоваться яблонькой. Сашке сад даром не нужен. Когда они переехали, выяснилось, что сад безбожно запущен, многие деревья давно одичали. А у него оказался дар — что ни посадит, что ни привьёт, всё приживается. И нравится ему в земле возиться. Сил только маловато, Сашка как увидит, что он ведро с удобрениями тащит или саженец очередной с неё ростом, так сердце кровью обливается. И не скажешь же ничего, не заберёшь. Обидеть его она боится не меньше, чем потерять.

— Только не преврати его в комнатную собачку, — сказала ей Тоня ещё тогда, в самом начале, когда сам Всеволод Алексеевич не расставался с кислородной маской и по этой причине был не слишком разговорчив. — Он тебе не простит.

— Думаю, что он мне и не позволит, — хмыкнула Сашка.

Это в первые месяцы он был практически беззащитен. Задыхающийся, слабый, с постоянно скачущим сахаром, зависимый от неё как ребёнок. Но чем лучше ему становилось, тем чаще просыпался тот самый, настоящий Туманов, перед которым грозная доктор Тамарина восхищённо замирала, как влюблённая четырнадцатилетняя дурочка из Мытищ. Они искали друг к другу подход долго. Благо спешить обоим было некуда. И роли до сих пор чётко не распределились. Рассеянного, часто хворающего дедушку сменял гордый и самолюбивый артист, привыкший быть цен-

тром всеобщего притяжения. А Сашка то становилась мамкой и нянькой, нежной, заботливой, умеющей успокоить среди ночного кошмара или приступа чёртовой астмы. То вот так, поддёрнув грубые армейские штаны, сидела на крыльце и курила, выпуская кольца дыма навстречу ярко-звёздному небу.

Если сегодня среди ночи проснётся, а он часто просыпается, надо обязательно рассказать ему, что в воздухе пахнет весной. Он очень ждёт весну, как все старики.

Сашка присыпает окурком землёй и возвращается в дом, осторожно ступая по скрипучим половицам. Дом у них маленький, но уютный. Впрочем, раньше она не оценивала жильё в этой категории. Раньше ей было всё равно. Дом и дом, крыша над головой. А теперь убирает, намывает чуть ли не каждый день. Просто водой, все моющие средства с запахами способны вызвать приступ, так что под строжайшим запретом. Пусть лучше в доме пахнет едой, свежим хлебом. Хлеб каждый день печёт хлебопечка. Сашка точно знает, что в нём не будет никакой дряни, которую ему нельзя. А он по утрам идёт на запах, улыбаясь до ушей. И счастлив, что его ждут за уже накрытым столом, с салфеточками, тарелочками, горячим завтраком. Именно его ждут, именно для него накрывали. И уже не так важно, что меню строго ограничено списком низкоуглеводных продуктов. Сашка очень старается из них сотворить что-то вкусное, каждый день разное. Но его диабет непредсказуем, и часто скачки сахара связаны не с тем, что он съел, а с тем, о чём думал. Можно сидеть на голой гречке и получить шокирующую цифру на глюкометре, потому что недосмотрела, недолюбила, не заговорила, не отвлекла и он загнал себя в водоворот воспоминаний. Поэтому Сашка неестественно много для себя улыбается. Для него улыбаться не сложно. И говорит с ним постоянно. И сейчас, прежде чем лечь спать, идёт к нему.

Спальни у них разные, через стенку. Но это чистая условность, у него она проводит времени гораздо больше, чем у себя. Если проснётся ночью и позовёт, до утра уже от себя не отпустит. В его спальне, помимо кровати, стоит диван, на котором Сашка часто досыпает остаток ночи. Давно пора бы переехать на него окончательно. Но они оба держатся за какие-то странные представления

о достоинстве, которые неизвестно кто придумал. Согласно им в начале одиннадцатого, внимательно посмотрев программу «Время» в большой комнате, Всеволод Алексеевич желает ей спокойной ночи и отправляется к себе. Сашка заканчивает домашние дела, домывает посуду, заматывает в полотенце кастрюлю с гречкой — упариваться до утра — и идёт курить на крыльцо. Потом, через ванную комнату, почистив зубы и переодевшись в ночное, окончательно избавившись от запаха табака, идёт к нему. Если всё хорошо, он уже спит. У него спящего выражение лица такое благодное, чисто добрый волшебник из детской сказки. Когда-то, тысячу лет назад, он снимался для новогодней передачи, играл там звездочёта. Пел колыбельную в расшитом звёздами плаще и колпаке. И укладывался спать прямо на сцене. Она тогда впервые увидела его таким, безобидным, умиротворённым. Хотя он всего лишь играл заявленный образ добряка звездочёта. И только теперь стал на этот образ по-настоящему похож. Её добрый сказочник, персональный.

Он спит с ночником, чтобы не наткнуться в темноте на предметы, если придётся вставать. И чтобы Сашке не пришлось подсвечивать себе телефоном. Она подходит к нему, слушает. Слух теперь её главный инструмент диагностики, весьма удобный, надо сказать. По звуку его дыхания она может многое узнать и при этом ничем не побеспокоить Всеволода Алексеевича. Вроде бы всё нормально, ночь должна пройти без сюрпризов. Сашка наклоняется к нему и позволяет себе вторую роскошь за долгий и трудный день. Они оба неплохие артисты. Он делает вид, что всегда крепко спит в этот момент. А Сашка делает вид, что никакого прикосновения губ к седому виску не было.